

мы живем, с точки зрения воздействия человека на природу. Когда фонд отметил свое десятилетие, мы задумались о том, как поменять его формат, и по большей части сфокусировались на экологии и взаимодействии человека с окружающей средой. А главным предметом исследования стал Мировой океан. Для поддержки серьезной исследовательской программы в этом направлении в 2015-м появился проект The Current (название построено на игре слов — «течение (воды)» и «настоящее/текущее (время)»). — «Коммерсантъ. Инициативы»), в рамках которого художники работают бок о бок с учеными. В ходе работы мы выяснили, что, занимаясь совместными проектами с художниками, ученые по-другому смотрят на предмет исследования, у них появляются передовые мысли, пропадает страх перед неудачей. **Как художники попадают в проект и как выбирают ученых, с которыми им предстоит работать?**

Изначально каждый цикл резиденции-стажировки в рамках The Current был рассчитан на три года (на данный момент прошло уже два подобных цикла), но в новом цикле, который идет с 2021 по 2025 год, мы меняли

— Маркус Рейман, директор TBA21—Academy

продолжительность — увеличили до четырех лет. Для каждого цикла приглашается куратор, который будет вести программу в течение этого времени (в первом им выступала Уте Мета Бауэр, для второго были выбраны Чус Мартинес и группа Superflex). В круг их задач входит поиск пяти человек из разных сфер, которые каждый год будут отправляться в экспедицию. Смысл этой стажировки-исследования не создание художественного произведения, а максимальное, глубокое взаимодействие с океаном, друг с другом, а также с различными сообществами, не обязательно состоящими из людей. И после этой экспедиции мы даем им возможность продолжать работу над исследованием еще три года.

С одной стороны, современное искусство может доносить разные идеи языком, понятным более широкой аудитории, чем тот, который обычно используют ученые. С другой — многие по-прежнему относятся к современному искусству с опаской, часто говорят, что не понимают — или не принимают — его. Является ли это проблемой, и если да, то как вы с ней справляетесь?

Открывая Ocean Space в Венеции, мы как раз задавались этим вопросом. И выбрали город не случайно. Не потому, что здесь уже есть множество культурных фондов, от Пунта делла Догана до Fondazione Prada, и не потому, что множество красивых зданий здесь требуют реставрации и сохранения. Принципиально важное значение имел тот факт, что город находится в кризисном состоянии: повышение уровня моря, огромные потоки туристов, абсолютно неразумная концепция использования местных пространств. При этом Венеция может похвастаться несколькими столетиями истории различного обмена — товарами, идеями, философиями. Мы планировали, что это пространство, с одной стороны, станет важным для местного населения, а с другой — точкой притяжения для людей со всего мира. Все материалы написаны на двух языках — итальянском и английском. Чтобы изначально избежать испуга или подсознательного противодействия, мы назвали это пространство не музеем, павильоном, культурным центром, а Ocean Space, «морским пространством». Мы также сделали бесплатным вход, добавили широкую открытую программу — просмотры фильмов, перформансы, лекции. Кроме этого мы активно развиваем программу вокруг лагуны, к примеру, устраиваем дни, когда выходим на расчистку пляжей от пластика. Наша задача — предоставить как можно большее количество точек входа для потенциальной аудитории.

Чтобы увидеть эффект от любой деятельности, которой в настоящий момент занимается фонд, нужно продолжительное время. Как вам кажется, на какой срок должна быть рассчитана программа TBA21—Academy? Может ли она существовать несколько поколений?

Мне кажется, что для нашего экспериментального пространства Ocean Space в Венеции достаточно и десяти лет, на которые у нас заключен договор аренды. Я был бы рад, если бы после этого Ocean Space появились в городах по всему миру, взяв опыт и методы венецианского пространства за основу. Если у разных людей возникнет желание создать похожие центры, то можно считать, что эта часть нашего проекта прошла успешно. И мне кажется, что ответственный подход к океану — тема, которая может существовать вечно.

Как вы планируете оценивать успешность остальных проектов фонда?

В нашей команде недавно появился сотрудник, который раньше служил в образовательном секторе. Он разработал для нас систему оценки, которая прежде всего фокусируется на самом процессе, независимо от того, кто в него включается с течением времени. В настоящий момент мы настраиваем эту систему под свои задачи и особенности. Конечно, мы считаем трафик на наших проектах, от посещения выставок до открытой программы, оцениваем, сколько человек подает заявки на программы резиденции (их не бывает меньше 500, и количество раз от раза растет). Каждую неделю лекции в рамках подпроекта Ocean Uni слушают более 450 студентов.

В долгосрочной перспективе перед нами стоит задача понять, как измерить те изменения, которые происходят в системе ценностей людей, их поведении и взглядах на Мировой океан. Когда мы начинали десять лет назад, не так много людей и организаций интересовались проблемами океана. А за последние годы появилось огромное количество проектов, в том числе и культурных (биеннале, музейные выставки и прочие инициативы), главной темой которых как раз и стали связанные с океаном проблемы. Сейчас об этом говорят буквально повсюду.

Важной частью стала и образовательная деятельность фонда. Мы сотрудничаем с Институтом Макса Планка, Университетом Ка-Фоскари, Колумбийским университетом, помогая разрабатывать программы для аспирантов, а также создавая летние школы.

Мы являемся единственной культурной организацией, которая наряду, к примеру, с «Гринписом» находится в наблюдательном совете International Seabed Authority. Главный вопрос, который сейчас там обсуждается, — это глубоководное бурение. Он связан с переходом на новые источники энергии и поддерживается производителями аккумуляторов и электрических средств передвижения. Никто не знает, с какими последствиями это сопряжено, но уже понятно, что — так как этот процесс необратимый, а добываемое сырье невозобновляемое — последствия могут быть катастрофическими.

К очевидным успехам фонда можно отнести и тот факт, что мы стали советниками Европейской комиссии по ряду программ (Mission Healthy Ocean и Mission Starfish). В момент их запуска десятилетний бюджет на информирование общественности о проблемах Мирового океана составлял около \$110 млн, но после долгих консультаций на эти, а также дополнительные культурные проекты было выделено в итоге \$300 млн.

Какие есть планы по развитию организации?

Мы думаем о развитии формата The Current, так как прежде к программе имело доступ чрезвычайно ограниченное количество людей, которые участвовали в экспедиции на корабле. У нас были вопросы и к карбонному следу программы: группа выезжала на исследование, собирала материалы и черпала вдохновение — но что оставляла после себя? Это серьезный этический вопрос. Поэтому мы решили теперь проводить программу «на местах»: одна точка будет в Средиземном море (совместный исследовательский проект там уже начался), другая — в Океании, третья — на Карибах.

Беседовал Александр Щуренков